

Г. А. Джаншиев

А. М. Унковский
Освобождение крестьян

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. А. Джаншиев**
А. М. Унковский: Освобождение крестьян / Г. А. Джаншиев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 256 с.

ISBN 978-5-518-01371-1

ISBN 978-5-518-01371-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

трудно было въ точности анализировать элементы, производящіе столь сильное и чарующее впечатлѣніе.

Нужно-ли говорить, какъ поучительна и интересна была бесѣда съ этимъ заслуженнымъ ветераномъ былой славной богатырской эпохи? Не легко было однако навести его на рассказы объ этой столь яркой полосѣ какъ его личной, такъ и русской общественной жизни. Частью по врожденной необыкновенной скромности, дѣлавшей для него непонятною всякую рисовку, а тѣмъ болѣе самохвальство, частью благодаря далеко не всегда веселымъ воспоминаніямъ, которыя будила эта полная вдохновенія и отдачи, но полная также и непримиримыхъ противорѣчій и чудовищныхъ несправедливостей, эпоха пробужденія Россіи, А. М. не охотно обновлялъ въ душѣ своей навѣваемый ею *infandum dolorem*:

Сколько въ высь и въ ширь стремленій!

И задержекъ сколько вмѣстѣ?!...

Но когда, увлеченный роемъ живыхъ и въ общемъ все-таки радостныхъ воспоминаній объ этомъ столь богатомъ людьми и событіями бурномъ и свѣтломъ времени, А. М. оживлялся, повѣствованіе его получало удивительную прелесть и яркость. Въ необыкновенно простомъ, но полномъ жизни, юмора и мѣткихъ сближеній былого и настоящаго, рассказъ, сопровождаемый его раскатистымъ, дѣтски-чистымъ, заразительнымъ смѣхомъ и игрою живыхъ, добрыхъ, сѣрыхъ глазъ,—вставали, какъ живые, дѣла и дѣятели незабвенной героической эпохи шестидесятыхъ годовъ. Нельзя было не удивляться, слушая эти правдивые рассказы, той изумительной прощательности, той почти пророческой дальновидности, съ которою Уиковскій и его единомышленники еще въ

половинѣ 50-хъ годовъ ясно угадывали ходъ и исходъ великихъ реформъ, разъ онѣ будутъ задуманы и исполнены безъ ясной программы, безъ строгой послѣдовательности, съ провозглашеніемъ великихъ принциповъ на бумагѣ и съ одновременнымъ сохраненіемъ старыхъ „свичаевъ и обычаевъ“ на дѣлѣ...

Несмотря на столько неслыханныхъ лично невзгодъ, несмотря на столько разочарованій и въ лицахъ, и въ общественныхъ группахъ, А. М. сохранилъ до старости душевную бодрость, нравственную свѣжесть и чуткую отзывчивость ко всему свѣжему и доброму *).

Твердая вѣра въ идеалы, несокрушимая вѣра въ животворящую силу свободы и просвѣщенія, беззаветная вѣра въ воспитательное дѣйствіе свободныхъ учреждений и въ нравственныя силы и культурныя способности русскаго народа—струилась до конца дней ея отъ этой чистой, свѣтлой, благородной личности—неизсякаемо и обильно, подобно широкой, прозрачной, многоводной рѣкѣ:

Liquidus puroque simillimus anni...

Со временемъ, когда настанутъ лучшіе дни для нашей печати, когда сдѣлаются извѣстными все материалы исторіи

*) Не будучи избалованъ избыткомъ радостныхъ впечатлѣній отъ современности, А. М. былъ пріятно пораженъ симптомахъ нравственнаго подъема, который началъ было скызываться въ университетской колодежѣ. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 21-го февраля 1892 г. А. М. съ горячимъ сочувствіемъ описывалъ большой „вечерній чай“, устроенный 8-го февраля, въ день университетскаго праздника, петербургскими студентами, пригласившими, кромѣ Унковскаго, еще нѣсколько уважаемыхъ профессоровъ и литераторовъ.

освободительной эпохи, явится возможность обрисовать вполне и образъ одного изъ главныхъ дѣятелей ея, А. М. Унковскаго. Настоящее же изданіе, представляющее лишь слабыя штрихи, отрывочные наброски и собраніе историко-біографическаго матеріала, отнюдь не имѣетъ претензій выдавать себя за такой историческій памятникъ, достойный имени Унковскаго... Въ ожиданіи сооруженія постояннаго памятника, на могилѣ усопшаго водружается обыкновенно временный простой деревянный крестъ; таковъ смыслъ и значеніе и настоящаго скромнаго труда, внушеннаго глубочайшимъ уваженіемъ къ памяти честнаго, заслуженнаго общественнаго дѣятеля и исполненнаго

ближними усердіемъ

автора.

Петровскіе выс. (Звениг. у.)
7-го августа 1894.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ты кончилъ жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава—
И въ пѣсняхъ родины свитой
Жить будетъ образъ величавый,
Жить будетъ мужество твое,
Освободившее се.

Байронъ (Плащесъ).

Только доведенная до героизма мысль
можетъ породить героизмъ въ дѣй-
ствіяхъ. Только непреклонности логики
дана роковая тайна совершать чудеса.

М. Е. Салтыковъ.

Подъ сумрачнымъ небомъ закатившаго Петербурга, въ половинѣ прошлаго декабря, на Литейномъ проспектѣ, въ домѣ № 30, вблизи дома, гдѣ скончался въ 1889 г. М. Е. Салтыковъ, тихо угасалъ его единомышленникъ и старый закадычный другъ Алексѣй Михайловичъ Уиковскій, — одинъ изъ славныхъ богатырей великой либеральной эпохи 60-хъ годовъ, освободившихъ Россію отъ позорнаго ига рабства.

Здоровье А. М. давно уже было надломлено; особенно сердце было слабо, что причиняло сильную одышку; нервы потрясенія вызывали отекъ въ ногахъ. Такое потрясеніе пришлось испытать Уиковскому 6-го декабря, когда онъ узналъ объ одной крупной неприятности, постигшей семью Салтыкова, и 7-го уже слегъ онъ въ постель, жалуюсь на боль въ ногахъ. Присоединилась еще пневмуенца, и силы больного стали сильно падать, сознание ослабѣвать. 14-го декабря разсѣялся, въ послѣдній разъ, туманъ, застилавшій сознание безболѣзненно угасавшаго благороднаго ве-

терапа, благодаря посѣщенію его друга и сподвижника юныхъ лѣтъ, нашего маеститаго публициста А. А. Головачева. Столь не милостивая къ Уиковскому вообще, судьба дала ему на сей разъ рѣдкое утѣшеніе провести послѣднія минуты сознательной жизни въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, присутствіе котораго живо будило воспоминаніе о лучшихъ моментахъ жизни, о «прекрасныхъ дняхъ Аранхуэца», пережитыхъ съ нимъ вмѣстѣ въ концѣ 50-хъ годовъ, въ періодъ кипучей освободительной дѣятельности.

Въ ночь на 20-е декабря, въ 12 ч. 10 мин., безъ агоніи, безъ стопа и вздоха тихо опочилъ Уиковскій на рукахъ сына своего Владиміра, студента Военно-медицинской академіи, который не безъ труда могъ отмѣтить точный моментъ, когда перестало биться это изстрадавшееся, но чуткое къ страданіямъ ближняго любвеобильное сердце стойкаго идеалиста-гражданина, и отлетѣлъ чистый и мощный духъ его, оставивъ бездыханные останки. Тѣло было отправлено для погребенія въ родовое имѣніе Уиковскихъ въ, с. Дмитрюково, Тверскаго уѣзда. Похороны отличались скромностью; присутствовали главнымъ образомъ товарищи А. М. по профессіи, петербургскіе присяжные повѣренныя, принявшіе на себя издержки похоронъ.

Въ обществѣ ¹⁾ смерть знаменитаго общественнаго дѣятеля, отважнаго бойца преобразовательной эпохи, имя котораго гре-

¹⁾ Единственною крупною манифестаціею было учрежденіе Тверскимъ земствомъ стипендіи имени А. М. Уиковскаго, послѣ теплыхъ словъ, сказанныхъ въ засѣданіи Тверскаго губернскаго земскаго собранія 10-го Января гласнымъ Ф. Н. Родичевымъ: «Дѣятельность А. М. Уиковскаго сказала г. Родичевъ, имѣетъ для Тверской губ. гораздо большее значеніе, чѣмъ дѣятельность гласнаго только. Его имя для Тверской губерніи да и для всей Россіи неразрывно связано съ свѣтлою памятью освобожденія; мы гордимся этою памятью. А. М. Уиковскій былъ одною изъ свѣтлыхъ личностей благородной группы работниковъ освобожденія. Многіе изъ насъ лично знали его и всѣ, конечно, будутъ хранить память этого обятельнаго человѣка, какъ воспоминаніе о личномъ счастьѣ. — Вся жизнь его рѣдкій примѣръ цѣльности; въ ней нѣтъ ни одной тени, ни одного диссонанса, — она вся посвящена была служенію правдѣ и справедливости. Я думаю, что мы исполнимъ нашу долгъ передъ населеніемъ, если уиѣковѣчимъ память А. М. Уиковскаго какимъ нибудь добрымъ дѣломъ. Земство въ лицѣ его будетъ чествовать лучший воспоминаніи населенія и благороднѣйшіи надежды» (*Русс. Вид.* 1894 г. № 14). — По-

мѣло одно время на всю Россію и даже за ея предѣлами. не произвела особеннаго впечатлѣнія. Но неужели въ наше «трезвенное» и равнодушное время, время «легковѣсныхъ» ²⁾ людей никому, въ самомъ дѣлѣ, не интересны и не нужны дѣла и заслуги доблестныхъ людей, подобныхъ Уиковскому?

Или въ наше время
Люди и забыли,
Чѣмъ въ былое время
Доблестны мы были?

Уиковскій былъ и остался до послѣдняго вздоха авторитетнымъ, неподкупнымъ и убѣжденнымъ представителемъ и храни-

становленіе собранія объ учрежденіи стипендіи имени А. М. Уиковскаго опротестовано тверскимъ губернаторомъ г. Ахлестышевымъ, какъ *явно нарушающее* (?) интересы мѣстнаго населенія.

²⁾ Легковѣсные люди — писалъ ясновидящій пророкъ - мыслитель Щедринъ - Салтыковъ, вотъ дѣйствительные, несомнѣнные герои современнаго общества. Чѣмъ легковѣснѣе человекъ, тѣмъ болѣе онъ можетъ претендовать на усиѣхъ, тѣмъ болѣе можетъ дерзать. Законы физики торжествуютъ: легкія тѣла поднимаются вверхъ; тѣла плотныя и вѣскія остаются въ низменностяхъ. Золотники стоятъ триумфаторами по всей линіи и во всѣхъ профессіяхъ; они цѣпляются другъ за друга, подталкиваютъ и выводятъ другъ друга и въ концѣ концовъ образуютъ толстую, плотную массу, сквозь которую нельзя пробиться даже при помощи осадныхъ орудій.—Еще очень недавно вы видѣли этихъ безконечно малыхъ, еще недавно вы думали, что они не больше, какъ жужжащіе комары, которые потому только и обращали на себя ваше вниманіе, что отъ нихъ нужно было отмахиваться. Увы! теперь это не просто комары, а цѣлая масса комаровъ, претендующая затмить собою солнечный свѣтъ. Ихъ жужжаніе—не просто жужжаніе, а совокупность милліоновъ жужжаній, имѣющая всѣ признаки трубнаго гласа... Все проходитъ, все измѣняется. Были идеи—они переродились въ слова; были слова—они смѣшались безсвязнымъ, любострастнымъ стenanіемъ. Увы! памъ ужъ не до идей! Теперь мы съ сожалѣніемъ вспоминаемъ даже *о словахъ, обрывкахъ идей*... Увы! драгоценныя обрывки мысли исчезаютъ безслѣдно, исчезаютъ въ виду всѣхъ. Безсвязный гулъ, который издаетъ столько «легковѣсныхъ», не только не имѣетъ ничего общаго съ мыслью, но даже находится въ явно враждебныхъ къ ней отношеніяхъ. Если хотите, индентрируйте этотъ гулъ пристальнѣе, вы, конечно, рискуете отыскать въ немъ нечто похожее на внутреннее содержаніе, которое тѣмъ только и отличается отъ наглой безсмыслицы, что въ основѣ его лежитъ дохо-

телемъ гуманныхъ передовыхъ идей 60-хъ годовъ, которыя дали стимулъ и содержаніе какъ его кратковременной, но блестящей общественной дѣятельности въ 50-хъ годахъ, такъ и послѣдующей продолжительной, безукоризненной адвокатской карьерѣ и чистѣйшей частной жизни, которыя даже сами по себѣ заслуживали бы общественнаго вниманія и признательности.

Позвольте, какъ водится, начать съ начала, съ дѣтства. Уиковскій родился 24 декабря 1828 г. въ небогатой, но зажиточной, довольно старой дворянской семьѣ, въ родовой вотчинѣ, с. Дмитрюковѣ, пожалованномъ предку его, Богдану Гавриловичу Боуншъ-Уиковскому, царемъ Василюмъ Шуйскимъ.

днщан до остерпенія *ненависть къ мысли*.—И тутъ уже нечего ждать ни суда, ни разбирательства: всякая мысль, каково-бы ни было ея содержаніе, одинаково противна золотнику, уже по тому одному, что она мысль, а не похоть, не вождельніе.. Убѣжденія самыя разнообразныя, самыя противорѣчивыя уравниваются предъ безграничною злобою и похотливой легковѣсностью; все они подлежатъ преслѣдованію и казни потому только, что напоминаютъ о существованіи ненавистной мысли! (Сочиненія М. Е. Салтыкова, II, 230, 231).— II, подумаешь, все это писалъ Салтыковъ, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, пророчески добавляя: „эти неизмѣримо-малые великаны въ сравненіи съ тѣми неизмѣримо-малѣйшими, которые *придутъ* на ихъ мѣсто“.—Поневоля согласишься, что покойный Островскій не преувеличивалъ, когда называлъ гениальнаго Салтыкова *vates omnia*, великимъ пророкомъ земли Русской. Прорицатель, дальновзорокъ былъ Салтыковъ, но и онъ, кажется, не могъ предвидѣть, что русская печать дойдетъ до такого дикаго невѣжества, чтобы, подобно *Гражданину*, предлагать, напр., какъ новость разрѣшеніе принимать въ мировомъ судѣ словесныя просьбы 30 лѣтъ спустя послѣ его введенія; до такого одичанія, чтобы признавать, подобно той же газетѣ, для мужиковъ обязательнымъ неукоснительное исполненіе даже *незаконныхъ* требованій земскихъ начальниковъ; чтобы защищать «взятки» (№ 139);—до такой византийско-иезуитской эксплуатаціи легковѣрья простаго народа, чтобы, подобно „ходкимъ“ *Петерб. Газетѣ* и *Листку* спекулировать на чудесахъ оо. Антонія и Іоанна Кронштадскаго, растягивая въ нѣсколькихъ номерахъ сенсационный разсказъ о томъ, какъ стала чахнуть одна невѣрующая московская купеческая дѣвица послѣ того, какъ о. Іоаннъ „случайно дотронулся перстомъ (sic) до живота ея“ и какъ она чудесно потомъ была исцѣлена пр. (см. *Новое Время* отъ 19 апрѣля 1894 г.).

По семейному преданію, родоначальникъ тверскихъ Унковскихъ былъ выходецъ изъ Польши, но есть и другое предположеніе, что вѣтвь эта отдѣлилась отъ общаго, донинѣ существующаго, рода калужскихъ Унковскихъ, который татарскаго происхожденія. По матери Унковскій принадлежалъ къ аристократическому роду Морковыхъ и черезъ него онъ примыкалъ, по его собственному указанію къ той средѣ, которая выведена въ «Горѣ отъ ума».

Предки А. М. издревле были истыми помѣщиками, хозяевами-домосѣдами и оставались равнодушны къ столь оболстительному для многихъ мишурному блеску военной и придворной службы. Прапрадѣдъ А. М. дѣлалъ Азовскій походъ, дослужился при царевнѣ Софіи до званія стольника, остальные же не шли дальше чина прапорщиковъ. Послуживъ немного сперва, т. е. до отмыны дворянской служебной повинности, по принужденію, а потомъ по традиціи и рутинѣ, Унковскіе поселялись безвыѣздно у себя въ своемъ родномъ Дмитрюковѣ, неказистомъ, но покойномъ уютномъ дворянскомъ гнѣздѣ, среди своихъ преданныхъ за страхъ и совѣсть поданныхъ-крѣпостныхъ, которымъ жилось, подъ личнымъ благодушнымъ управленіемъ своихъ благодушныхъ господъ, очень недурно.

Отецъ Унковскаго, человекъ для своего времени довольно образованный, былъ предводителемъ дворянства, «совѣстнымъ судьей» и даже исправникомъ, а послѣ службы долго жилъ въ деревнѣ и занимался хозяйствомъ. Матери А. М. лишился рано, оставшись на рукахъ четырехъ тетокъ, сестеръ отца, которыя души въ немъ не чаяли и страшно его баловали.

Все дѣтство и отрочество А. М. прошло среди патриархальныхъ картинъ безмятежнаго рабства съ его частью лицемернымъ, частью искреннимъ почитаніемъ «отцовъ родныхъ», словомъ среди рѣдкихъ, наилучшихъ образцовъ того безобразнаго строя, которое именовалось крѣпостнымъ правомъ. Не только семья Унковскихъ, но и сосѣди ихъ: П. П. Лажечниковъ, извѣстный писатель, семья Львовыхъ (Львова была воспитанница Державина), В. П. Назимовъ принадлежали къ числу самыхъ гуманныхъ помѣщиковъ, представляя въ этомъ отношеніи прямую противоположность той отвратительной, скаредной, озлобленной помѣщицкѣ средѣ Калужскаго уѣзда, гдѣ люди изъ экономіи морили себя голодомъ, гдѣ помѣщица не только «дѣ-

вокъ» истязала безчеловѣчно ³⁾, но и собственного мужа, *официально умершаго*, гоняла на кордѣ ⁴⁾ и въ которой родился въ 1826 г. будущій гениальный сатирикъ, изобразившій эту среду въ «Пошехонской Старинѣ».

Несмотря на мягкія, на идеальныя, можно сказать, формы крепостнаго права, благодаря которымъ, люди черѣшительныя, недалъновидныя благодущныя рутинеры, какъ напр. отецъ Унковскаго, мирились съ нимъ какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, какъ съ

³⁾ Въ *Пошехонской Старинѣ* описывая безчисленное множество картинъ помѣщичьихъ безобразій, Салтыковъ между прочимъ, передаетъ слѣдующіе два случая. Анфиса Порфирьевна „защипала“ до смерти свою горничную. Становясь на молитву, она ставила горничную рядомъ съ собою и за каждымъ словомъ щипала ее или приказывала щекотать ее до пѣны у рта или гонять на кордѣ, подстегивая сзади арапникомъ.— Въ дѣтствѣ Салтыковъ видѣлъ такую картину „исправленія“ хановъ въ доброе старое время: „У конюшни, на кучѣ навоза, привязанная локтями къ столбу, стояла дѣвочка лѣтъ 12-ти и рвалась во все стороны. Былъ уже второй часъ дня; солнце такъ и обливало несчастную своими лучами. Рои мухъ поднимались изъ навозной жижи, вились надъ ея головою и обѣзпачивали ея воспаленное, улитое и слезами и слюною лицо. Но мѣстамъ образовались уже большія рапы, изъ которыхъ сочилась сукровица“... И уничтоженіе либералами такого-то безчеловѣчнаго общественнаго строенія при которомъ возможно было безнаказанно совершать такія безчеловѣчныя истязанія, оплакиваютъ какъ паденіе „святаго, великаго, невозвратнаго (увы, да!) Иліона“ современные гомеры-крѣпостники, выдающіе себя за ортодоксальныхъ хранителей христіанской морали (должно быть изъ тѣхъ христіанъ, про которыхъ народъ говоритъ: въ день по двѣ обѣдни слушаютъ, да по три души кушаютъ).

⁴⁾ Помѣщикъ Савельцевъ *Пошех. Старина* былъ осужденъ за застрѣченіе до смерти. Жена его Анфиса Порфирьевна предложила ему (фактъ!) передать ей ияшья, самому же объявиться умершимъ. Сдѣлка состоялась. Умершій дворовый былъ похороненъ какъ бояринъ Савельцевъ, а послѣдній, волею судьбы, вошелъ въ „шкуру“ перваго. Ну, и потѣшилась же тетюшка Анфиса Порфирьевна! Бывшій баринъ не только ходилъ на барщину, ѣлъ прокислое молоко, мякиный хлѣбъ и пусты щи, но и долженъ былъ бѣгать по прихоти господской... (потъ ужъ гдѣ спраедаваніе Межевида хоть разъ дала почувствовать повстеламъ принципа: *vis volo, vis jubeo*, каково подчиниться неограниченному произволу!)—*на кордѣ*. Не поправилось Савельцеву. За него заступился предводитель, и А. П. рѣшила превратить бывшаго своего благовѣрнаго въ *шута*.— Повесть скажешь съ Пзъ лемъ, что можетъ быть и гаже, и прекраснѣе человека!